

ЛИСИМАХ¹

ИЗ СОЧИНЕНИЙ Г. МОНТЕСКИЭ

Цена 15 коп.

Александр, когда разрушил Персидскую область, захотел, чтобы его признали Юпитеровым сыном. Македоняне с негодованием смотрели на то, что сей Государь гнушался иметь своим отцем Филиппа. Негодование их еще больше умножилось, когда они увидели, что он принял обычаи, платье и обряды Персидския: и все они раскаивались о том, что столь много зделали для такого человека, которой начинал их презирать. Но в войске на сие только роптали; а явно говорить о том не смели.

Один философ, именем Каллисфен², следовал за Александром в его походах. Некогда он поздравил Александра по Греческому обычаю: *Для чего*, сказал Александр, *ты мне не поклоняешься?* Государь, отвечивал ему Каллисфен, ты обладаешь двумя народами: один из них был невольник и прежде твоего покорения, таков же есть и после твоей над ним победы; другой бывши волен прежде, нежели споспешествовал тебе к получению столь многих побед, таковым же остался и после, когда ты оныя одержал. Я Грек: и ты, Государь, столько возвысил сие имя, что не можно, кажется, его унижить, не зделав тебеж чрез то посрамления.

Пороки в Александре были столь же чрезмерны, как и его добродетели. Он страшен был в гневе, который и сделал его безчеловечным. Он велел отрубить Каллисфену ноги, нос и уши, приказал посадить его в железную клетку, и в ней носить его за своим войском.

Я любил Каллисфена, и все то время, какое у меня оставалось за исправлением моей должности, препровождал в его собеседовании: и если я люблю добродетель, то сим благом я одолжен тем впечатлениям, какия его разговоры в меня вкоренили. Я ходил его посещать, и некогда ему сказал: «я радуюся тому, знаменитый несчастливцу, что тебя заперли как дикаго зверя в железную клетку за то одно, что ты один только из всего войска оказался человеком.

«Лисимах! говорил он мне, когда я нахожусь в таком состоянии, в котором и крепость и великодушие потребны; то мне кажется, что я нахожусь точно на своем месте. И подлинно, если бы боги для того только произвели меня на свет, чтоб провоздатель в нем жизнь сластолюбивую; то бы я подумал, что они напрасно дали мне великую и бессмертную душу. Насыщаться удовольствиями чувства улаждающими всякому весьма легко можно: и если бы боги нас для сего только и в свет произвели, то они сотворили создание совершеннейшее, нежели какое хотели, и исполнили больше, нежели что предпринимали. Это не от того, прибавил он, что будто бы я был не чувствителен: ты мне сам весьма ясно доказываешь что я не таков. Когда ты пришел ко мне, то я тотчас ощутил в себе некоторое удовольствие, видя в тебе сей опыт великодушия. Но для богов тебя прошу, чтоб это было в последний раз. Оставь меня сносить мои несчастия, и не будь столь жестокосерд, чтобы прибавлять к ним и свои.

Каллисфен, говорил я ему, я буду приходить к тебе всякой день: если Государь приметит, что тебя добродетельные люди оставили, то он не будет чувствовать никаких угрызений. Он начнет думать, что ты и подлинно виноват. Ах! нет, уверяю тебя, что он не будет иметь удовольствия видеть, что страх его казни силен отвратить меня от моего друга.

Некогда Каллисфен мне сказал: «Боги бессмертные подали мне утешение, и с теперишняго часа я ощущаю в себе нечто божественное, которое заглушает во мне чувство моей скорби. Я видел во сне великаго Юпитера, подле него узрел и тебя: в руках твоих видел я скипетр, а на главе царский венец. Он показав тебя мне,

сказал: *сей сделает тебя счастливейшим*. Безмерный восторг, в каком я тогда находился, меня разбудил: проснувшись ощутил я, что мои руки воздеты были к небеси, и что я силился выговорить: *Великий Юпитер! естьли надобно, чтоб Лисимах царствовал, то сотвори, чтоб он царствовал правдиво*. Лисимах, ты будешь царствовать: верь в том человеку, который должен быть богам любезен, потому что он страждет за добродетель».

Между тем Александр услышав, что я почитаю Каллисфеново нещастие, что я его посещаю, и осмеливаюсь о нем сожалеть, пришел в новое бешенство. «Поди же, негодной, сказал он, сражайся со львами, когда столь много находишь удовольствия в сожитии с дикими зверьми». Сия изреченная на меня казнь отложена была для того, чтоб сделать ее многолюднейшим позорищем.

За день до оныя написал я к Каллисфену следующее: «Я скоро умру; все воображения, какия вы в меня вложили о будущем моем величестве, исчезли в моей душе. Я бы желал только облегчить бедствие такого человека, каков вы».

Прексасп³, которому я поручил отнестись письмо, принес мне следующий ответ: «Лисимах, когда боги определили тебе царствовать, то Александр не может у тебя отнять жизни; потому что люди воле богов противиться не могут».

Сие письмо меня ободрило, и я разсудил, что люди и весьма щастливые и самые нещастнейшие равно находятся в божием покровительстве, вознамерился следовать не моей надежде, но моему мужеству, и защищать до последняго издыхания жизнь, которая ласкала мне толь великими обещаниями.

Повезли меня в колеснице: вокруг меня находилось безчисленное множество народа, который хотел быть свидетелем моего мужества или боязливости. Выпустили на меня льва: я обертел руку епанчею, и оную ему подтставил: он хотел ее пожрать: я схватил его язык, и оной вырвал, и поверг льва к моим ногам.

Александр от природы был охотник до мужественных дел: он удивился моей твердости, и в сие мгновение возвратилась к нему великость его души.

Он велел позвать меня пред себя, и подавая мне руку сказал: «Лисимах, я возвращаю тебе мою дружбу, возврати ты мне свою. Мой гнев послужил тебе случаем к показанию такого дела, которого и Александру в жизни не случалось».

Я получил Царскую милость; я обожал Божеския определения, и ожидал их обетований, не ища их, и не убегая. Александр

умер, и все народы стали без повелителя. Дети Александровы были малолетны: Аридей⁴, его брат, никогда и не вышел из младенчества. Олимпиада⁵ имела дерзость подлым только душам свойственную, и все, что есть одно только безчеловечие, почиталось у нее мужеством. Роксана, Евридика, Статира в печали не помнились. Все придворные умели только вздыхать, но никто не умел царствовать. И так Полководцы Александровы обратили свой взор на его престол; но честолюбие каждого было удержано честолюбием всех. Мы разделили империю, и каждый из нас свой удел почитал награждение за свои подвиги.

Жребий зделал меня обладателем Азии⁶; и теперь, как все находится в моей власти, то мне Каллисфеновы наставления никогда не были столько нужны, как ныне. Из его радости заключаю я, что он усмотрел во мне какое нибудь доброе дело; из его вздоха догадываюсь, что зделано мною нечто требующее моего поправления. Я в нем нахожу посредника между мною и моим народом.

Я теперь царствую над народом, которой меня любит. Старейшины в семействе желают мне так, как своим детям, долголетней жизни: дети боятся лишиться меня так, как своего отца. Мои подданные благополучны, следовательно и я.

КОНЕЦ

²⁸ *Мари-Катрин Д'Онуа* (1651–1705) — французская писательница. Стоит у истоков жанра литературной волшебной сказки. В своих сказках, адресованных взрослой аудитории, мадам д'Онуа прибегает к аллегории и сатире, которые служат инструментом критики придворной жизни и французского общества XVII в. Сказка «Остров блаженства», включенная в роман «История Ипполита, графа Дугласа» (1690), является первой литературной волшебной сказкой, опубликованной во Франции. В 1697 г. были опубликованы трехтомные «Волшебные сказки», а в 1698 г. появился четвертый том под заглавием «Новые сказки, или Модные феи». Вместе с книгами ее современника Ш. Перро они установили прочную моду на жанр литературной сказки.

²⁹ *Сикофанты* — в древнем мире профессиональные доносчики, злонамеренные обвинители, клеветники. Сикофанты инициировали судебные процессы против влиятельных лиц по различным преступлениям, способным нанести ущерб государству (в частности, контрабанда смоквы, вывоз которой из Греции был запрещен, чем, вероятно, и объясняется происхождение слова «сикофант»: от греч. *sykon* = «смоковница» и *phaino* = «доносить»). В случае успешного завершения дела получали определенное вознаграждение в виде части штрафа или доли конфискованного имущества ответчика.

Ш. Л. Монтескье Лисимах

Печатается по: Монтескье Ш. Л. ; Montesquieu C. L. Лисимах / Из сочинений г. Монтескье. ; [Перевел С. Башилов]. - [СПб.: Тип. Акад. наук, 1769]. С. 3–11.

«Лисимах» был еще раз переведен на русский язык и опубликован в 1791 г. в «Московском журнале» (часть IV книжка III декабрь) за подписью переводчика А.Т.

«Лисимах» был написан в 1751 г. в качестве вступительной речи для Академии наук, созданной в Нанси Станиславом Лещинским и есть основания предполагать, что Монтескье, восхваляя Лисимаха, генерала Александра Македонского, воздает дань почтения бывшему польскому королю. Текст впервые был опубликован в 1754 г. в *Mercure de France*. Он был еще раз переведен на русский язык и опубликован в 1791 г. в «Московском журнале» (часть IV книжка III декабрь) за подписью переводчика А.Т.

¹ *Лисимах* (ок. 361–281 до н. э.) — полководец Александра Македонского, правитель Фракии с 323 года до н. э., царь Македонии с 285 года до н. э. Арриан упоминает Лисимаха среди телохранителей Александра Вели-

кого, то есть круга наиболее доверенных лиц, из которых комплектовалась личная охрана и полководцы. Курций сообщает, что однажды, охотясь в Сирии на львов, он в одиночку убил зверя исключительной величины, который, однако, успел разорвать ему левое плечо до кости. Рассказывали также, что однажды Александр в гневе за помощь осужденному Каллисфену велел натравить на Лисимаха свирепого льва, но тот, всунув руку в пасть и захватив язык, убил зверя, после чего Александр стал оказывать ему уважение и почет наравне с лучшими из македонцев.

² *Каллисфен* (ок. 360–328 до н. э.) — ученик Аристотеля и летописец его похода Александра Македонского. Вероятно участвовал в подготовке заговора против Александра, рассчитывая на его свержение по возвращении с Востока. Как описывает Арриан, он отказался оказывать Александру почести по восточному обычаю как богу, был арестован и умер в заточении в 328 до н. э. Вероятно, «История Александра Великого», приписываемая ему, написана позднее.

³ *Прекасеп*, по рассказу Геродота, любимец Камбиса, который поручил ему убить своего брата Смердиса, заподозрив последнего в измене. После смерти Камбиса он отрицал это убийство, однако, принужденный к публичному признанию магом Гометом, захватившим в свои руки власть (522 г. до н. э.), объявил правду с одной башни, после чего бросился с нее вниз.

⁴ *Филипп III Арридей* — македонский царь, номинально правивший в 323–317 годах до н. э. По возрасту он был почти ровесник законному сыну Филиппа II Александру, позднее ставшему Александром Великим. На трон Арридей не претендовал как в силу низкого происхождения матери, так и из-за слабоумия. Александр, устранив всех конкурентов, держал его при себе. Но после смерти Александра он попадает к матери Александра Олимпиаде, где его убивают.

⁵ *Олимпиада* (ок. 375—316 г. до н. э.) — жена македонского царя Филиппа II и мать Александра Македонского. После смерти сына Олимпиада захватила власть в Македонии в 317 до н. э. и стала царствовать от имени своего внука Александра IV, сына Александра Великого. Однако на следующий год была свергнута диадохом Кассандром и казнена.

⁶ Лисимах возвысился в последние годы жизни Александра, в сражениях держался рядом с царем. Его имя не упоминают среди полководцев. После смерти Александра Великого в 323 до н. э. Лисимах как один из командиров конницы получил в управление большую часть Фракии с землями, прилегающими к Черному морю. Лишь позднее он присоединил к своим владениям Малую Азию.